

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ‘ТЕЛЕСНОСТЬ’: РОМАН А. ПЛАТОНОВА «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»

Реконструируется семантическое поле ‘телесность’, реализованное в романе А. Платонова «Счастливая Москва»: выделяются ядро, центр и периферия поля, приводятся данные по частотности ключевых слов, предлагаются варианты осложнения структуры семантического поля. Рассматриваются вопросы, связанные с вербализацией когнитивной категории телесности в художественном тексте, анализируется роль слов телесной семантики для концептуальной картины мира писателя.

Ключевые слова: тело; телесность; концептуальная картина мира; лексическая организация текста; семантическое поле; соматизмы.

Одним из наиболее эффективных современных методов лингвистического исследования, ставящим перед собой цель максимально полно описать структуру и содержание лексической и концептуальной систем организации художественного текста, а также раскрыть закономерности отношений, в которые вступают содержательные единицы этих систем, является полевая реконструкция. Ее задача состоит в воссоздании «некоторой многомерной (“объемной”) части или области “лингвистического пространства”, <...> в которой рассматривается определенное лингвистическое явление» [1. С. 22]. Реконструкция семантического поля (СП) представляет собой метод системного классификационного исследования, используемый как в лексикологии, так и в когнитивистике, метод, позволяющий систематизировать лексические средства, дать оценку их статуса в тексте и описать внутрисистемные отношения лексики в текстовом пространстве.

Рассматривая СП как один из базовых содержательных элементов языковой картины мира и форму структурирования единиц лексического уровня, необходимо отметить, что, в отличие от концептуального, или понятийного, поля, представляющего собой «объемное ментальное образование, отражающее окружающую действительность» [2. С. 176] и не всегда имеющего непосредственное отношение к процессам вербализации, реконструкция СП, актуализированных в тексте, предполагает опору на выявление, классификацию и описание конкретных, реализованных в тексте лексических единиц. С этой точки зрения текстовое СП представляет собой совокупность «самых широких семантических группировок слов разных частей речи, основанных на соотносительности с целостным фрагментом действительности» [3. С. 61]. Реконструкция текстового СП, понимаемого именно в таком ключе, предполагает воссоздание той целостности, составные элементы которой, вступая между собой в сложные отношения, образуют смысловое единство более высокого порядка, выводящее исследователя на концептуальный уровень произведения.

Одним из релевантных для концептуально значимой информации текста может стать такой фрагмент действительности, как телесность – сложный и неоднозначный феномен, относительно недавно попавший в поле зрения современной гуманитарной науки, определяемый одновременно и в качестве феномена, и в качестве когнитивной категории. В художествен-

ном тексте телесность может быть репрезентирована целым рядом тематических групп (зачастую слабо связанных между собой), вербализующих данную категорию и создающих текстовое СП телесности, описание которого имеет важное значение как для понимания концептуальной картины мира конкретного писателя, так и для описания специфики его идиостиля.

Необходимо отметить, что реконструкция СП телесности является основным методом, используемым в исследовании способов и языковых средств вербализации этой категории. Реконструкция соответствующего СП и получение его схемы позволяют разработать другие, не менее важные проблемы, такие как выработка терминологического аппарата, отражающего сложность и комплексность телесности как феномена, анализ текстовой реализации лексических единиц, относящихся к СП телесности и т.д. В свою очередь, с помощью анализа текстовой реализации СП становится возможным решение вопроса, связанного с лингвистическим воплощением телесности как лингвокогнитивной категории, имеющей концептуальную значимость для художественного мира романа А. Платонова «Счастливая Москва» и вербализованной не только лексемой *тело*, но и другими языковыми единицами, относящимися к центру и периферии СП.

Неоднозначность существующих интерпретаций понятия ‘телесность’ в современных исследованиях отчасти связана с тем, что данная проблема разрабатывается относительно недавно и в рамках разных гуманитарных наук. О неактуальности этого явления не только для научной, но и для наивной картины мира свидетельствует, в частности, сам факт отсутствия лексемы *телесность* в большинстве толковых словарей русского языка [4–6]. Исключенность данной лексической единицы из традиции отечественного лексикографирования представляет особый научный интерес, поскольку может свидетельствовать о национальной специфике русской языковой картины мира (так, например, в словарях английского языка представлено несколько лексем со значением *телесность* – *corporeality* (*corporeality*), *physicality* и *bodiness*).

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что словари синонимов русского языка эксплицируют семантические связи телесности исключительно с эротичностью и чувственностью, тогда как в современном философском, психологическом и культурологическом дискурсах семантическое наполнение

термина 'телесность' вовсе не исчерпывается эротическими переживаниями и ощущениями. Более того – зачастую они оказываются на периферии сознания индивида, тогда как на передний план выдвигается непосредственное ощущение телом окружающего мира, действительности и ее раздражителей, его реакции на них, а также так называемая *телесность разума* («embodied mind») – понятие, разработанное, например, в работах Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона [7]. В современных теориях американской лингвифилософии человеческое тело выступает в качестве деятельного рецептора и когнитивного агента (от лат. *agitare* – приводить в движение, двигаться), однако в большинстве лингвистических, лингвокогнитивных и лингвокультурологических отечественных работ исследование телесности замыкается на изучении ограниченного ряда концептов – *рука, голова, сердце* и т.д. [8–10], непосредственно относящихся к телу человека исключительно как физическому организму.

Однако и в отечественной науке наблюдается рост интереса к проблеме телесности, в связи с чем стоит выделить монографию «Природа и образы телесности», в которой, с опорой на опыт зарубежной науки, телесность понимается и определяется как «mind-body problem» («проблема взаимоотношения сознания и тела». – В.П.), «сложный системный феномен» и «самоорганизующаяся целостность 'человек – мир'» [11. С. 11, 12]. Данные терминологические словосочетания эксплицируют принципиальную разницу постмодернистской интерпретации и традиции толкования телесности в русле классической философии и отечественной лингвистики (именно по этой причине в толковых словарях русского языка лексема *телесность* либо дана через ссылку на прилагательное *телесный* (в значении 'физический, материальный', 'относящийся к телу (организму) человека'), либо просто отсутствует). Таким образом, телесность в современных гуманитарных исследованиях, в том числе лингвистических, можно исследовать как минимум в трех плоскостях: как когнитивную категорию, как лингвокультурный концепт и как СП, реализованное в тексте.

В романе А. Платонова «Счастливая Москва» телесность предстает одним из важных текстообразующих концептов, реализующихся через СП, которое состоит из многочисленных вербализаторов телесности как категории. Говоря о концепте языковой картины мира, следует помнить, что «содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество прагматических и ассоциативных элементов данного понятия, проявляющихся в сочетаемости его вербализаторов» [12. С. 98].

Первый этап реконструкции СП телесности включает в себя анализ его ядра, в качестве которого, прежде всего, выступает полисемант *тело*. Именно вокруг этой лексемы формируется СП, составные единицы которого непосредственно или косвенно связаны с представлениями о теле человека. Представления самого А. Платонова о человеке весьма специфичны, по этой причине и тематические группы, входящие в состав СП телесности, не всегда будут

коррелировать с тематическими группами аналогичного СП, принадлежащего усредненной языковой личности и системе языка.

Усложнение структуры СП связано с проблемой текстовой реализации лексических значений многозначного слова. Частными и требующими отдельной разработки становятся такие вопросы, как механизмы развития и реализация полисемии лексической единицы в словарной статье, конструирование полисемии слова в отдельно взятом тексте, текстовая реализация полисемичной единицы, обусловленная характеристиками идиостиля автора определенного текста, эксплицитная и имплицитная авторская интерпретация тех или иных значений словарной единицы, а также многие другие актуальные вопросы, связанные с реализацией в тексте лексических значений слова, находящихся между собой в системных отношениях. Выделяя ядро анализируемого СП, необходимо обратить внимание на то, что, во-первых, у лексемы *тело* имеется несколько значений, во-вторых, автор может употреблять слово в непривычном и не описанном в словарях значении и, в-третьих, у лексемы *тело* есть синонимы, как зафиксированные в лексикографических источниках, так и контекстуальные, реализованные исключительно в данном тексте. Следовательно, комплексный анализ ядра СП включает в себя лексикографический анализ полисеманта *тело*, его концептуальный анализ и контекстуальный анализ его синонимов.

Попытки комплексного анализа влекут за собой постановку следующих вопросов: каким образом автором производится отбор значений лексической единицы, непосредственно реализуемых в тексте, какие из этих значений в тексте выражены, а какие нивелированы, каким образом в тексте проявляется многообразие предлагаемых словарем значений и осуществляется выражение системных связей между значениями слова и т.д. Выделяя единицы ядерной зоны, можно прибегнуть к статистическому анализу частотных характеристик слов. Так, с помощью программы AntConc устанавливается количество словоупотреблений лексемы *тело* и ее контекстуальных синонимов, встречающихся в тексте романа «Счастливая Москва»: *тело* – 77, *туловище* – 7, *труп* – 7, *организм* – 6, *тельце* – 1. Программный анализ позволяет составить карту ключевых слов и выяснить роль и значимость для текста той или иной лексемы, поскольку характеристика лексемы по частотности служит важным параметром, описывающим индивидуальную (авторскую) картину мира, во многом идентифицируемую при помощи именно доминантных лексем, относящихся к активному словарю автора и / или текста.

Итак, лексема *тело* является ядром СП телесности, а его центр формируется соматизмами, лексемами телесной семантики, обозначающими элементы строения человеческого организма, а на уровне обычного сознания определяемыми как части тела. Однако к соматической лексике могут относиться не только упомянутые части тела и внутренние органы человека, но и различные физические проявления тела и его жизнедеятельности, в частности физиологические выделения, вырабатываемые организмом. Сле-

довательно, центр СП, в отличие от ядра, будет состоять из нескольких пластов соматической лексики, или – в другой терминологии – слотов анатомического фрейма [13. 188, 189]: *голова, рука, нога, сердце, кость* и др., – а также номинаций расширенной соматической сферы (*пот, кровь* и т.д.).

Отметим, что в тексте А. Платонова встречаются абсолютно все группы соматической лексики, что косвенным образом подтверждает высокую степень концептуальной нагруженности телесности для анализируемого романа. Опираясь на наиболее близкую данному исследованию классификацию А.М. Кочеваткина [14], можно выделить следующие группы соматической лексики, реализуемые в тексте романа «Счастливая Москва».

1) Сомонимическая лексика, включающая в себя номинации частей и областей человеческого тела ('рука', 'нога', 'голова', 'живот' и др.): «чувствовал своими *руками* (здесь и далее курсив наш. – В.П.), как греется все более тело ребенка» [15. С. 669] (далее указывается только номер страницы данного издания. – В.П.), «с отросшими на работе *руками*» [С. 695], «Честнова понимала те пустяки, которые она делает сейчас *ногами* и *руками*» [С. 710], «я не *нога*, не *грудь*, не *живот*, не *глаза*, – сама не знаю кто...» [С. 722], «шляпа музыканта, прожившая все долгие невзгоды на его *голове*» [С. 662] и т.д.

2) Остеонимическая лексика, состоящая из названий человеческих костей и их соединений: «внутри его рождалась тоска, она вырастала из-под его нагрудных *костей*» [С. 726], «жизнь его, видимо, еще сковывала своими *костями*» [С. 734], «почувствовала свои *кости*, как сплошь заболевшие зубы» [С. 656] и др.

3) Спланхнонимическая лексика, или номинации внутренних органов: «его *сердце* заходило от боли, мучаясь и не ожидая пощады» [С. 668], «Самбикин почувствовал свое тоскующее, опустевшее *сердце*» [С. 673], «всеобщее существование, основанное даже на одном разуме *желудка*, давно стало бы прекрасным» [С. 713] и др.

4) Ангионимическая лексика, обозначающая элементы кровеносной системы: «вид ее большого, непонятного тела, согретого под кожей скрытой *кровью*» [С. 689], «из нее вышла *кровь*; на снегу, освещенном прожектором, *кровь* казалась желтой, истощенной еще задолго в теле» [С. 719], «разверстое, с тысячами рассеченных сосущих *кровеносных сосудов*, горячее, беззащитное тело» [С. 671] и др.

5) Корнонимическая лексика, которая включает в себя обозначение волос, ногтей и других роговых образований: «она, например, каждый день мыла себе голову, потому что все время чувствовала в *волосах* грязь и даже плакала от огорчения, что грязь никак не проходит» [С. 724], «он ожидал увидеть где-нибудь Москву Честнову, ее милые *волосы*, свисающие вниз через раскрытое трамвайное окно» [С. 727], «все его тело до *ногтей* на пальцах ног» [С. 671] и др.

К соматической лексике зачастую относят и наименования болезней и болезненных состояний, физиологических образований (*опухоли, родинки, родимые пятна*), номинации клеточного и молекулярного уровня (*эритроциты, лейкоциты* и пр.), а также

фрагменты, заменяющие органы или конечности, например протезы. Все эти группы соматической лексики также реализованы в тексте романа, включая и последнюю: так, ножной протез Москвы Честновой в тексте книги наделен особой концептуальной значимостью.

С помощью программы AntConc становится возможным описание частоты употребления приведенных выше соматизмов: *сердце* – 92, *голова* – 56, *глаза* – 44, *рука* – 37, *нога* – 36, *рот* – 13, *мозг* – 11, *кровь* – 11, *слезы* – 11, *волосы* – 10, *пальцы* – 8, *кожа* – 8, *органы* – 2. Полученные данные позволяют наглядно, статистически доказать концептуальную значимость соматизмов для текста романа и сформировать карту лексических единиц, относящихся к тематической группе соматизмов.

Все группы соматической лексики, представленные в тексте романа, зачастую реализуют противоположные или разнящиеся значения, свидетельствуя об амбивалентности многих понятий, ими вербализованных. В этом отношении А. Платонов верен себе, поскольку практические все авторские мифологемы амбивалентны [16, 17]. В качестве примера можно привести глаза, являющиеся буквальным зеркалом души героев романа. В зависимости от душевного состояния персонажа его глаза становятся безмолвными выразителями происходящего или уже произошедшего: так, у жены Груняхина «*глаза* бесцветные, умолкшие от одинокого труда по домашнему хозяйству» [15. С. 751], у Сарториуса «*болят глаза* от тьмы и долгого мучения сердца» [Там же. С. 735], а у Москвы Честновой «*глаза* блестяще ясностью счастья» [Там же. С. 652].

Активное использование всех пластов соматической лексики позволяет А. Платонову осуществить лексическую реализацию категории телесности в тексте, а исследователю – выделить ее в качестве одной из доминантных в данном произведении. Анализ многочисленных лексических единиц, относящихся к соматической лексике, показывает, что категория телесности в тексте романа обретает плоть и кровь не только за счет реализации ядра СП (*тело*), но и благодаря другим элементам текстовой парадигмы – центру СП (соматизмы) и его «периферии», представленной, например, описаниям тела в его физических и физиологических проявлениях.

От ядра и центра СП телесности, репрезентированной лексемой *тело*, ее контекстуальными синонимами и многочисленными соматизмами, необходимо осуществить логический переход к периферии СП. Как известно, отнесение тех или иных лексических единиц к периферии СП носит отчасти условный характер. Очевидно, что анализируемые тематические группы находятся на разном расстоянии от ядра и центра СП: какие-то группы будут обнаруживать непосредственную связь с ядром, т.е. телом человека, например тематическая группа «гигиенический уход за телом», а некоторые (например, лексемы *человек, мужчина, женщина, старик* и т.д.) будут вступать с центром СП в паритативные или гипоперонимические отношения.

Тело как физическое воплощение человека не существует само по себе, так же как не существует сама

по себе, в отрыве от индивида, телесность. Реконструируя СП телесности, необходимо учитывать неразрывную взаимосвязь человека с его телом. Понимание тела как одной из форм существования биологического организма обязывает к включению в СП лексемы *человек* и отдельных номинаций, несущих в себе признаки пола или возраста (*мужчина, женщина, старик, старый, молодой, ребенок* и т.д.). Исключение половозрастных характеристик из СП не представляется возможным хотя бы по той причине, что авторские представления о телесности во многом связаны с гендерной, возрастной и другими социальными характеристиками персонажа. К примеру, мужское тело А. Платонов практически полностью игнорирует, тогда как описанию тела главной героини, Москвы Честновой, уделено огромное внимание. Это, однако, не свидетельствует об эротизации женского образа или эксплуатации женской телесности: в представлении А. Платонова идеальный человек вовсе лишен пола и гендерных характеристик (так, в тексте романа слово *женщина* употреблено 48 раз, слово *мужчина* – 6, а *человек* – 138), что, безусловно, связано с его философскими представлениями о человеке и живой материи в целом.

Говоря о теле человека, невозможно проигнорировать такие важнейшие тематические группы, как различного рода телесные модификации (макияж, прическа, шрамы, наколки, протезы и т.д.), процедуры ухода за телом (к примеру, принятие ванны и соответствующие глаголы *мыться, мыть, омывать, купаться, ополаскиваться* и т.д.), жесты и мимика персонажей романа, положение тела в пространстве (*лежать, сидеть, стоять* и т.д.). Исходя из представлений о теле человека как динамической системе, к СП телесности необходимо также отнести глаголы движения и глаголы, обозначающие произведение определенных действий как по отношению к телу или его частям («проникал в кость» [С. 670], «воздух грубо драл ее тело» [С. 655] и т.п.), так и совершаемых ими самими («тело опухло в поздней юности» [С. 652]).

Отвлечение от физиологической конкретики, связанной с телом, и учет особенностей концептосферы, создаваемой А. Платоновым в романе, позволяет эксплицировать непосредственную связь человеческого тела с энергией, материей и веществом, которые также входят в текстовое ассоциативно-семантическое поле телесности, включающее в себя исследуемое СП, поскольку, по справедливому замечанию В.В. Степановой, текстовое ассоциативное поле также может включать в себя «словесные реакции на слово-стимул, отражающие связи явлений объективного мира, слова как единицы наименования элементов картины мира» [18. С. 88]. Концептуально важными являются представления автора о «веществе существования» [19.

С. 88]: поиски вещества жизни занимают одно из центральных мест в деятельности персонажей А. Платонова. В романе «Счастливая Москва», например, этим активно занят Самбикин, отчаянно пытающийся найти резервуар скрытой жизни в мертвом теле человека. Именно в теле, по мнению Самбикина, во многом выражающего философские поиски самого автора, таится то самое сакральное вещество существования, которое способно ликвидировать противопоставленность понятий жизни и смерти. Состояние жизни и момент прекращения физического существования (смерть) неизбежно будут относиться к СП телесности данного текста, поскольку в картине мира А. Платонова эти понятия теснейшим образом связаны с размышлениями о теле и о его состояниях: речь идет не только о жизни и смерти, но и о распыленности человечества в бесконечном космосе, об атомарном строении человеческого тела, которое «летало в каких-то погибших тысячелетиях назад» [С. 676], о тесной взаимосвязи тела человека и космоса, о которой автор пишет следующее: «Сарториус сделал движение рукой – по универсальной теории мира выходило, что он совершил электромагнитное колебание, которое взволнует даже самую дальнюю звезду» [С. 743].

Таким образом, схема СП телесности в романе А. Платонова «Счастливая Москва» включает в себя следующие тематические группы:

- *ядро*: лексема *тело* и ее контекстуальные синонимы (*организм, туловище, плоть, труп*);

- *центр*: соматизмы (части тела и расширенная соматическая сфера);

- *периферия*: положение тела в пространстве и глаголы движения; телесноориентированные действия (действия, обращенные к самому телу); жесты и мимика; телесные модификации; *материя, вещество и энергия*; состояния (*болезнь, жизнь, смерть*); *человек* (и гендерные характеристики – *мужчина, женщина, ребенок* и т.д.).

В рамках концептуальной картины мира А. Платонова данное СП может быть расширено за счет включения тематических групп и отдельных лексем, непосредственно связанных не с самим телом, а с человеком (сфера эмоций, мышления, воображения, самоосознания и когнитивных процессов вообще, сопоставление телесного и телесности с духовностью, представлениями о душе и духе и т.д.). Вербализующие данные сферы человеческого существования лексемы лишь на первый взгляд слабо связаны с телесностью: если вспомнить о *embodied mind* («телесном уме») и о том, что человеческое сознание и любые когнитивные процессы протекают непосредственно в теле человека, включение такой лексики в дальнюю периферию СП телесности будет представляться вполне оправданным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартинович Г.А. Текст и эксперимент: исследование коммуникативно-тематического поля в русском языке. СПб., 2008. 256 с.
2. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976. 354 с.
3. Куликова И.С. Мир русской природы в мире русской литературы. Слова – названия растений в русской художественной картине мира. СПб., 2006. 480 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000. 1536 с.
5. Толковый словарь русского языка / гл. ред. Д.Н. Ушаков. М., 1935. 3128 с.
6. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М., 1992. 960 с.

7. Johnson M., Lakoff G. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind & its Challenge to Western Thought*. N.Y., 1999. 640 p.
8. Мильникова Н.В. Структура и функционирование концепта «рука» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 19 с.
9. Хунтуужева И.Х. Лингвосемантический концепт «голова» во фразеологии разносистемных языков // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 194–195.
10. Зибров Д.А. Концепт сердце в аспекте концептуальной систематики языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 21 с.
11. Бескова И.А., Бескова Д.А., Князева Е.Н. Природа и образы телесности. М., 2011. 456 с.
12. Ефремов В.А. Теория концепта и концептуальное пространство // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 104. С. 96–106.
13. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 245 с.
14. Кочеваткин А.М. Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка (лингвогеографический анализ) : дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1999. 315 с.
15. Платонов А.П. Котлован. СПб., 2002. 797 с.
16. Костов Х. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Хельсинки, 2000. 325 с.
17. Степанова В.В. Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии. СПб., 2006. 272 с.
18. Бочаров С.Г. О художественных мирах. М., 1985. 296 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 сентября 2014 г.

SEMANTIC FIELD 'CORPOREALITY' IN ANDREY PLATONOV'S NOVEL *HAPPY MOSCOW* ("SCHASTLIVAYA MOSKVA")

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 24-29. DOI: 10.17223/15617793/388/4

Prokofieva Varvara Yu. Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: prokofieva.varvara@yandex.ru, vava3@mail.ru

Keywords: body; corporeality; semantic field; conceptual picture of the world; somatisms; lexical organization of the text.

Reconstruction of the semantic field is one of the most effective ways to describe the structure and content of lexical and conceptual systems of the organization of the artistic text. Andrei Platonov's novel *Happy Moscow* is anthropocentric as well as his other works. In this novel, the author focuses on the problems of human and his body as a complex object that has complex relationships with human himself as well as with the surrounding reality. The phenomenon of corporeality, described in Platonov's novel, is reflected at all levels of the text. This phenomenon, which is simultaneously a cognitive category, and a text-forming concept, becomes the object of analysis in this article, in which corporeality is considered as a semantic field, consisting of the core, center and periphery. The article reconstructs the semantic field 'corporeality', implemented in Andrei Platonov's novel "Happy Moscow": its core, center, periphery, provides information about the frequency of keywords, offers methods of complications of the structure of the semantic field. Issues of verbalization of cognitive category of corporeality in the text are discussed, the role of the words with corporeal semantics for the conceptual picture of the world is analyzed. The polysemantic unit *body* and its contextual synonyms (*little body*, *corpse*, *body*, *torso*) serve as the core of the semantic field 'corporeality'. The center of semantic field includes multiple layers of somatic vocabulary (names of body parts, organs, physiological secretions, disease states, etc.). It should be noted that all types of somatisms are presented in the text (but unevenly, for example, lexeme *heart* appears 92 times in the text, *head* – 56, *eyes* – 44 times, but *fingers* and *skin* – 8 times each). The periphery contains age-sex characteristics (*man*, *woman*, *man*, *child*, etc.). Mapping the frequency of keywords at the same time shows the following results – lexeme *human* in the text occurs 138 times, and *man* – a total of 6 times. With allowance for features of the conceptual sphere of the novel, the periphery will also include lexemes *matter*, *energy*, *material* ("material existence"), state (*life* and *death*), various kinds of corporal modification, body position in space and verbs signifying motion, gestures and facial expressions, body-oriented actions (actions aimed at the body itself or committed by the body in relation to other objects). In accordance with current knowledge of the *embodied mind* and the experience of learning *mind-body problem*, the periphery of the semantic core will also be cognitive processes (thinking, perception, memory, etc.) the complexly structured semantic field of corporeality is one of the concepts forming the text of the novel *Happy Moscow*, and the result of its analysis demonstrate that Andrei Platonov concentrates on the solution of the problem of the body, its existence in the surrounding reality and ways of self-realization and implementation of contacts with the outer world.

REFERENCES

1. Martinovich G.A. *Tekst i eksperiment: issledovanie kommunikativno-tematicheskogo polya v russkom yazyke* [Text and experiment: a study of communicative and thematic fields in the Russian language]. St. Petersburg: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ., 2008. 256 p.
2. Karaulov Yu.N. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 354 p.
3. Kulikova I.S. *Mir russkoy prirody v mire russkoy literatury. Slova – nazvaniya rasteniy v russkoy khudozhestvennoy kartine mira* [The world of Russian nature in the world of Russian literature. The words – names of plants in the Russian art world picture]. St. Petersburg: Nauka-Saga Publ., 2006. 480 p.
4. Kuznetsov S.A. (ed.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 1536 p.
5. Ushakov D.N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: OGIZ Publ., 1935. 3128 p.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (eds.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Az" Ltd. Publ., 1992. 960 p.
7. Johnson M., Lakoff G. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind & its Challenge to Western Thought*. N.Y., 1999. 640 p.
8. Myl'nikova N.V. *Struktura i funktsionirovanie kontsepta "ruka" v russkom yazyke*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Structure and function of the concept "hand". Abstract of Philology Cand. Diss.]. Samara, 2009. 19 p.
9. Khuntuzheva I.Kh. The lingua-semantic concept "HEAD" in the phraseology of typologically different languages. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – The Scientific Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 2009, no. 2, pp. 194-195. (In Russian).
10. Zibrov D.A. *Kontsept serdtse v aspekte kontseptual'noy sistematiki yazyka*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Concept heart in the conceptual systematics aspect of language. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Irkutsk, 2009. 21 p.

11. Beskova I.A., Beskova D.A., Knyazeva E.N. *Priroda i obrazy telesnosti* [Nature and images of corporeality]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2011. 456 p.
12. Efremov V.A. The concept theory and the conceptual space. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2009, no. 104, pp. 96-106. (In Russian).
13. Dem'yankov V.Z., Kubryakova E.S. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. In: Kubryakova E.S. (ed.) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Lomonosov Moscow State University Faculty of Philology Publ., 1996.
14. Kochevatkin A.M. *Somaticheskaya leksika v dialektakh erzyanskogo yazyka (lingvogeograficheskiy analiz)*. Dis. kand. filol. nauk [Somatic lexicon in the dialects of Erzya (linguageographical analysis). Philology Cand. Diss.]. Saransk, 1999. 315 p.
15. Platonov A.P. *Kotlovani* [The Foundation Pit]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2002. 797 p.
16. Kostov H. *Mifopoetika Andreyi Platonova v romane "Schastlivaya Moskva"* [Mythopoetics of Andrei Platonov in the novel "Happy Moscow"]. Helsinki: Publishing Helsinki University Press, 2000. 325 p.
17. Stepanova V.V. *Slovo v tekste. Iz lektsiy po funktsional'noy leksikologii* [The word in the text. From Lectures on functional lexicology]. St. Petersburg: Nauka, SAGA Publ., 2006. 272 p.
18. Bocharov S.G. *O khudozhestvennykh mirakh* [On the artistic worlds]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1985. 296 p.

Received: 15 September 2014